

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2024.7581

EDN: PTGDFI

Переоценка Достоевского критиком А. Волинским: «экстазы», признание и «отмена» автора

В. А. Котельников

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: vladilogos@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция восприятия и критической оценки Акимом Волинским творчества Достоевского. Известный литературный критик, мыслитель, искусствовед Аким Львович Волинский (1863–1926) начал изучение творчества Достоевского в конце 1890-х гг. и продолжал обращаться к нему вплоть до 1923 г. За это время сложился литературный канон Достоевского. Волинского привлекала художественная антропология писателя, которая открылась ему в его романах. Критик нашел в них подтверждение своим религиозно-философским интуициям. Однако в трактовке некоторых образов он отклонялся от смыслов, вложенных в них автором. Критицизм Волинского становился более жестким и воинственным при оценке идей и персонажей в романе «Бесы». Волинский обвинял Достоевского в субъективной вражде к радикально настроенной «молодой России». Последним выступлением Волинского о Достоевском стала речь 1923 г. В ней критик упрекал романиста в дуалистическом представлении о мире и человеке. Сам Волинский в это время стал ревностным сторонником монистического мировоззрения. С этой позиции он находил двойственность и схематизм в образах писателя. Вывод его состоял в том, что в творчестве Достоевского преобладает схоластика и отсутствует полноценное художественное изображение жизни. Такой Достоевский, по мнению Волинского, устарел, неактуален для настоящего времени, а значит — не принадлежит к классикам литературы и должен остаться в области литературной легенды.

Ключевые слова: Достоевский, Волинский, литературный канон, антропология, религиозно-философская интуиция, нигилизм

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Котельников В. А. Переоценка Достоевского критиком А. Волинским: «экстазы», признание и «отмена» автора // *Неизвестный Достоевский*. 2024. Т. 11. № 4. С. 298–314. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7581. EDN: PTGDFI

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2024.7581

EDN: PTGDFI

The Reevaluation of Dostoevsky by the Critic A. Volynsky: “Ecstasies”, Recognition and “Cancellation” of the Author

Vladimir A. Kotelnikov

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: vladilogos@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of Akim Volynsky's perception and critical assessment of Dostoevsky's work. The famous literary critic, thinker, art critic Akim Lvovich Volynsky (1863–1926) began studying Dostoevsky's work in the late 1890s and continued to examine it up to 1923. During this time, the literary canon of Dostoevsky had formed. Volynsky was attracted to the writer's artistic anthropology, which he discovered in the latter's novels. In them, the critic found confirmation of his religious and philosophical intuitions. However, in his interpretation of some images, Volynsky deviated from the meanings entrenched in them by the author. His criticism became harsher and more belligerent when Volynsky evaluated the ideas and characters of the novel “Demons.” Volynsky accused Dostoevsky of subjective hostility to the radical “young Russia.” The critic's last speech about Dostoevsky was given in 1923. In it, the critic reproached the novelist for the latter's dualistic view of the world and man. At that time, Volynsky himself became a zealous supporter of the monistic worldview. From this viewpoint, he found duality and schematism in the writer's imagery. He concluded that scholasticism prevails in Dostoevsky's work, and that it does not contain a full-fledged artistic depiction of life. Such Dostoevsky, according to Volynsky, is outdated, irrelevant for the present, does not belong among literary classics and should remain in the domain of literary legend.

Keywords: Dostoevsky, Volynsky, literary canon, anthropology, religious and philosophical intuition, nihilism

Acknowledgments. The research study was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>).

For citation: Kotelnikov V. A. The Reevaluation of Dostoevsky by the Critic A. Volynsky: “Ecstasies”, Recognition and “Cancellation” of the Author. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 298–314. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7581. EDN: PTGDFI (In Russ.)

Если нужно установить время, когда за писателем закрепляется статус классика, то относительно Достоевского это окончательно произошло в первые десятилетия XX в. Поскольку нас интересует событие 1923 г., напомню, что к 1918 г., когда было завершено четвертое посмертное Полное собрание сочинений писателя, когда к началу двадцатых годов накопилась немалая биографическая, критическая и исследовательская литература о нем, когда его творчество стало осмысляться как одна из вершин русской и европейской литературы, — уже можно было говорить о сложении классического литературного канона «Достоевский».

26 (или 25) сентября 1923 г. Аким Волынский написал (и, вероятно, прочел в какой-то аудитории) речь, в которой он этот канон отменял и Достоевского из числа классиков исключал. Текст речи долгие годы лежал в архиве в массиве рукописных «Литературных арабесок» Волынского¹, пока я не опубликовал его [Волынский, 2007]. Однако он не привлек особого внимания литературоведов. Волынский в данном случае действовал, разумеется, не под влиянием большевистского обличения «реакционности» и «религиозного мракобесия» Достоевского — причины были иные.

По своему идеологическому темпераменту Волынский, конечно, не мог обойтись без Достоевского. Ничто так не отвечало его умонастроениям в конце 1890-х гг., ничто так не возносило его на высоты идеалистических «экстазов», как творчество Достоевского. Здесь ему было чем увлечься со всей мыслительной истовостью как наследнику хасидской и талмудической традиций, еще в молодости соединившихся в нем: у Достоевского он нашел человека в состояниях нравственных обнажений, в конвульсиях страстей, в борьбе «богофильских» и «богофобских» начал. Полную художественную антропологию этих явлений и открыл Волынский в «Идиоте», «Братьях Карамазовых», «Бесах», критическим комментарием к которым стали его статьи, после публикации в разных изданиях составившие (с некоторыми дополнениями) в 1906 г. знаменитую книгу «Достоевский».

Сюжет работы Волынского над этой темой развивался неровно. Временами критик был безоглядно захвачен «апокалипсическим письмом» Достоевского (подразумевая под этим изображение мира в духе патмосского тайнозрителя), сближая, а иногда и сливая с ним собственный религиозно-философский дискурс, что нередко вело Волынского к уклонению от тех смыслов, которые были вложены романистом в его героев. Входя в «Царство Карамазовых» (название цикла статей Волынского), он переживал вместе с Зосимой и Алешей свое сложное «богофильство». По-своему истолковывая Мышкина, Ивана Карамазова, он переводил образный язык писателя на современный «язык символизаций». Вместе с тем исподволь нарастал критицизм Волынского, направленный на идеи национальной религиозности у Достоевского; он доходил до крайне резких обвинений писателя за антинигилистический пафос «Бесов», за осуждение им «молодой бунтующей России». И, наконец, после нескольких сравнительно благожелательных суждений о Достоевском в начале 1920-х гг. последовала его окончательная литературная дискредитация..

Обращение к творчеству Достоевского у Волынского было вызвано первоначально его «богофильскими» умонастроениями конца 1890-х гг. Он был увлечен художественным воплощением своей излюбленной мысли о том, что идея Бога и любовь к Нему естественно возникают и возрастают в живом мироощущении человека и что этому содействует и сама природа своей «апокрифической осанной Богу» [Волынский, 2007: 302]. Но он не

¹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 42. Л. 98 об. — 101, 212–217.

признавал «освящение плоти», проповедуемое модернизмом. Волынскому были дороги жизненные формы религиозности, как он ее исповедовал, в них он видел пластические символы личных состояний и сверхличных идей. Такова для него телесная пластика Зосимы — так объяснял Волынский «философию поклонов» в романе [Волынский, 2007: 288]², которая предвосхищала его «философию танца», блестяще развитую впоследствии в статьях о балете. С пластикой и динамикой тела сливается рисунок одежды, и в совокупности таких черт князя Мышкина, например, Волынский узнает «пришедшего из неведомого далека и проходящего сквозь тяжелые жизненные драмы к глубочайшим трагедиям» «молодого русского Агасфера, возникшего на почве чисто христианских мистерий, предвестника новых истин и новых освободительных красот» [Волынский, 2007: 121]. Уподобление Агасферу не мешало Волынскому видеть в князе Мышкине черты Христа. Но князя он скорее делает персонажем собственного философско-этического нарратива, чем истолковывает действительный замысел Достоевского и реализацию его в персонаже. Здесь Волынский уходит от Достоевского. Под именем Мышкина критик рисует излюбленный образ идеалиста, смотрящего на людей и на вещи «из страшной глубины», «сродняя их между собою и видя в них проявление одного живого духовного начала» [Волынский, 2007: 125].

До конца 1902 г. Волынский пребывал в «сердечном единении» с Достоевским, как полагал он, на почве «богофильства» и считал гений писателя «страшно народным» в этом отношении. Но оставался все-таки при своем весьма субъективном исповедании любви к Богу и, увлекаемый им, подчас предпринимал рискованные ходы в развитии темы.

Волынский полагал, что Достоевский дает человеку небывалую свободу самовыражения во всех формах духовной и телесной жизни, к которым он относил и «богофильские» экстазы Сонечки, Мышкина, Зосимы, Алеши, и равно — «богофобские» экстазы Кириллова, Ивана. Но распространение критиком необходимой свободы на более широкий круг явлений иногда представляется рискованным: «карамазовский разврат», эта, в его понимании, «древняя вакханалия в новых тонах», уподобляется им «упойтельной евхаристии, жертвоприношению тела и крови», что порождает «серафические экстазы и ликования человеческого духа» [Волынский, 2007: 348–349].

Все состояния человека внутреннего и внешнего в художественном мире Достоевского — от нервной дрожи и сердечного трепета до пароксизмов страсти и нравственных конвульсий — воспринимаются Волынским как некая вибрирующая антропологическая среда, которая служит проводником в современность не только развиваемых писателем «высших идей», но и органистических импульсов архаичного происхождения. Ему в интересах своей концепции важно выявить и в плотском Карамазове-отце, и в духовном отце

---

² Содержательный и компактный обзор некоторых интерпретаций Волынским творчества Достоевского, а также вызванных ими откликов см. в статье [Якубович].

Зосиме присутствие тех мощных жизнепорождающих стихий, которые некогда персонифицировались в демонах плодородия — сатирах. Сближения его подчас весьма смелы и чреваты искажением заложенных в образах смыслов и, несомненно, отражают модернистские тенденции его мысли:

«Здесь, в этом лесу, старец Зосима, с его улыбкой на устах, похожей на игру солнечного луча, с его радостными экстазами, является настоящим христианским сатиром, носителем нового богофильства, вольного, бескультурного, сверхкультурного, как и древние сатиры. Кажется, что если углубишься в этот лес, войдешь в те экстазы, через которые видна его настоящая, скрытая жизнь, то где-нибудь, среди чащи, встретишь преображенного древнего Диониса, Диониса новых умственных движений, новых чаяний — Христа» [Волынский, 2007: 297].

Достоевский увлек его дальше: он, иудей, оказался в таком состоянии, когда

«невольню улавливаешь чужого Бога, на одну минуту видишь величайшие контрасты в различных народных богопониманиях и тут же мгновенно чувствуешь, сердцем ощущаешь, что и чужое богопонимание тебе близко, страшно близко, что Бог — один, что каким бы путем не подойти к Нему, есть какие-то святыни в жизни, святыни в мыслях, которые всех увлекают и умиляют» [Волынский, 2007: 214].

Если в этом признании все-таки заметна некоторая критическая осторожность, то далее, поддавшись влиянию мессианских идей Достоевского, Волынский на миг выходит из сюжета Мити Карамазова, поднимается на вершину историософского обзора, чтобы в обычно несвойственном ему ракурсе указать на утрату Западом высших духовных интуиций и на сохранение их в России:

«Культурные народы Европы, со своей сложной, вековой цивилизацией, находятся в каком-то рабстве у исторического процесса и в этом своем рабстве потеряли чутье к окончательным истинам, которые вдруг все приостанавливают, чтобы все переменить. Но Россия, в своей наивной бескультурности, особенно близка к этим истинам...» [Волынский, 2007: 215–216].

Когда Волынский захвачен страстным влечением Достоевского к Христу, «жгучим чувством» к Нему, он, переживая собственное страстное и сложное «богофильство» как непременно связанное с Христом, определяет его как

«ощущение божества через собственную душу, ощущение бесконечного — смиренное, тихое, скорбное», сопровождающееся «экстазом самоумаления»³,

³ Так трактует Волынский сквозную у Достоевского и традиционно акцентируемую православием тему кеносиса. См. также: [Котельников, 1997]. Наиболее точно и экспрессивно Достоевский сказал о христоподражательном самоумалении в одной из записей

которое является неизбежным следствием одновременно и полусознательного самоощущения и светлой разумной логики» [Волынский, 2007: 132–133].

Волынский стремится противопоставить головному «демониакальному надрыву» Ивана Карамазова свое «богофильское» приятие как высшего блага всех решений Бога о мире и человеке. Волынский не берется опровергать отрицательную логику Ивана, он возражает его уму своим сердцем и делает это с исповедальной и вместе пророческой экспрессией, и это одно из сильных апологетических возражений критика. Проясняя нечто в Иване, оно еще больше говорит о религиозно-нравственных состояниях Волынского в тот момент, когда он признается:

«Последнюю верую верится в высший смысл жизни, несмотря на все ее уродства и обиды, и когда живешь не одною только логикою, а всем существом, нервами и страстями, сердцем, — постоянно улавливаешь сквозь страдания, свои и чужие, какие-то нежные звуки, какое-то прощение всему и всем, не будущую только неопределенную, бесформенную гармонию, а уже как бы пришедшую, уже существующую, уже данное разрешение великой трагедии человеческого бытия в новых, умирительных экстазах. Страдаешь и плачешь над своими и чужими печальями, и все-таки улыбаешься, сам не зная в точности чему. И эта улыбка, детская улыбка неземной радости, едва уловимого настроения, стоит всех страданий мира и достаточна для того, чтобы человек не расстался со своим правом на жизнь, с тем билетом, который Иван, при своей демониакальной гордости, почтительнейше возвращает Богу. Все культуры истории, все грубые катастрофы человечества, все наслоения его бедствий — все это не больше, как орудия для создания на страдающем человеческом лице этой примирительной улыбки. Человек примиряется с Богом, примиряется с людьми, но несомненное и глубже всего он примиряется с самим собою, психологически примиряется, и в этом новом, примиренном виде, с новым гимном выходит на новые дороги истории» [Волынский, 2007: 233].

Если Волынский еще может вести спокойный диалог с Достоевским, пока религиозно-философские идеи рассматриваются в общечеловеческом контексте, то, когда речь заходит об их исторических осуществлениях, в частности в формах русского православия, он становится непримиримым критиком взглядов писателя. Убежденный, что христианское, как и вообще всякое религиозное миропонимание, должно иметь наднациональный характер, он считает, что эти «новые дороги» будут пролегать в стороне от указываемой Достоевским национальной «почвы». Поскольку в ней религиозность пребывает в косном состоянии, она остается в узких границах природно-племенного тела народа, неизбежно замирает, отпадает от мирового

1881 г.: «Подставить ланиту, любить больше себя — не потому, что полезно, а потому, что нравится, до жгучего чувства, до страсти» [Достоевский; т. 27: 57].

движения христианства с его общечеловеческой миссией. Допуская, что в народе еще жив религиозный инстинкт, Вольтинский считает необходимым его свободное развитие, мистическое и умственное, до полноты религиозного опыта, до ясного веросознания и миропонимания, а в этом решающую роль он приписывает исключительно личной инициативе — будучи ревностным поборником индивидуализма в деле духовного и культурного творчества и отрицателем всякого бессознательно-массового вероисповедания. Поэтому столь большое религиозно-обновляющее значение он придает личным богоутверждающим экстазам Зосимы, исповеданию Алеши, а вместе с ними — и карамазовской безудержной воле к бытию, к страданию и даже кирилловскому богоотрицанию и воле к небытию, видя в них дорогие ему акты свободы и необходимые ступени к Богу.

Крутой поворот в прочтении Вольтинским Достоевского происходит на подходе к «Бесам». Он выразился в нарастающем, вплоть до яростных выпадов, негодовании Вольтинского в отношении идейных тенденций и литературных приемов писателя.

Теперь он смотрит непримиримо осуждающим взглядом на Достоевского, захватывая в поле такого зрения уже все творчество, и уподобляет писателя исступленному библейскому пророку Ионе, изображение которого на картине Дж. Ф. Уоттса он видел в лондонской Tate Gallery. Глядя на картину, он невольно вспоминал

«автора "Бесов", с его великим гневом и великим ослеплением по отношению к Европе, к неправославным народам. Он тоже мечет пылающую смолу во все, что находится за чертой его византийского кругозора, тоже верит в исключительную богоносность своего народа. Какая-то идейная и патриотическая судорога проходит по всем его произведениям, и кажется иногда, что весь он в судороге, в этом беспощадном осуждении существующего мира, в этом пламенном национализме. Временами он, как Иона, доходит до бунта против Бога, как, например, в колоссальной поэтической фигуре Ивана Карамазова» [Вольтинский, 2007: 316].

В первой главе «Книги великого гнева» (ставшей разделом книги «Достоевский») Вольтинский все-таки отдает должное гению писателя, смотрящего «в бездны мира через подвижные линии и формы плоти, в их капризных сочетаниях и мистически чувственной игре. Таково, вообще, символическое, можно сказать, апокалипсическое письмо Достоевского» [Вольтинский, 2007: 329]. Однако эффектная характеристика таких свойств писателя не была развернута в дальнейшем анализе «Бесов».

Предприняв поход против «Бесов» в целом, главной причиной чего была неприемлемая для Вольтинского идейная направленность романа, критик подвергает суровому суду и частности произведения. Образ Ставрогина для него оказывается, в сущности, художественно неполноценным, являющим

собой «какой-то научно-философский шифр, который приходится разгадывать, переводить на язык обычных представлений и понятий при помощи логического анализа» [Волынский, 2007: 357]. Далее следует удар за ударом: Волынский находит еще и другие образы и эпизоды, где писатель

«расплавлял все видимое, все материальное в целый мир идей, непосредственно управляющих миром плоти. Можно даже сказать, что Достоевский слишком сближает эти идеи с процессами жизни, упрощая эти процессы, выбрасывая целый ряд звеньев, отделяющих тайные глубины души и духа от их видимого, земного воплощения» [Волынский, 2007: 357]⁴.

Воспользовавшись упоминанием о «маске» Ставрогина, критик пытается заглянуть за нее и утверждает, что там ничего сложного и глубокого нет, а есть лишь несложная идейная механика, которая заставляет эту фигуру двигаться.

Однако он намеревался все-таки найти подтверждения своему мнению, и, предполагая, что таковые обнаружатся в неопубликованной тогда главе «У Тихона», он, во время работы над статьями, обратился к А. Г. Достоевской с просьбой разрешить ему ознакомиться с находящимся у нее корректурным текстом главы. Сохранилась переписка Волынского с А. Г. Достоевской и А. А. Достоевским по этому поводу; некоторые письма полностью или частично опубликованы, выдержки из неопубликованных приводим в современной графике, но в авторской орфографии и пунктуации по автографам, хранящимся в РГАЛИ.

В письме от 9 декабря 1902 г. Волынский писал А. Г. Достоевской:

*«Милостивая Государыня,
Анна Григорьевна,*

Приступая к обширной критической работе над "Бесами" Ф. М. Достоевского, осмеливаюсь обратиться к Вам с нижеследующею просьбою. Мне приходилось слышать от людей, заслуживающих полного доверия, что Вы имеете некоторые дополнительные страницы к названному роману, которые до сих пор, по цензурным или каким другим соображениям, не опубликованы. Если Вам каким нибудь образом стали известны другие мои работы о Ф. М. Достоевском (статьи об "Идиоте" и "Царство Карамазовых", напечатанные в "Спб. Ведомостях" и потом вышедшие отдельной книгой), Вы знаете, с каким благоговением я отношусь к Вашему мужу. Что касается "Бесов", то я считаю это произведение самым трудным для анализа, и насколько я, по слухам, знаком с содержанием пропущенной в печати главы, я полагаю, что прочтение ее помогло-бы мне проверить некоторые мои мысли. Я считал бы величайшим одолжением с Вашей стороны, если-бы Вы дали мне возможность, так или иначе, познакомиться

---

⁴Эту мысль Волынский разовьет и распространит на все творчество писателя в своем последнем выступлении о Достоевском (см. ниже).

с этими драгоценными страницами — не для использования их в печати, а только для укрепления в тех догадках относительно личности Ставрогина, которые шевелятся у меня при чтении "Бесов". Крайне меня обяжете скорым ответом.

С истинным уважением

А. Волынский

Загородный 23 кв. 45»⁵.

Анна Григорьевна отвечала 12 декабря 1902 г. и пока отказывала в исполнении просьбы, ссылаясь на то, что отдала главу вместе с другими бумагами в «Музей памяти Ф. М. Достоевского», находящийся в Историческом музее, но обещала исполнить просьбу после того, как будет напечатан Каталог музея⁶ и она поедет в Москву, что произойдет не раньше марта⁷.

Волынский писал 14 декабря 1902 г.:

«Милостивая Государыня,

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна,

Позвольте принести Вам мою сердечную благодарность за Вашу добрую готовность дать мне прочесть корректуру драгоценных страниц из пропущенной главы "Бесов". Работа моя затянется на несколько месяцев, ибо теперь я нахожусь только в самом начале ее, так что в марте мне не будет поздно прочесть и изучить ее в интересах самой работы, не говоря уже о личном интересе. Ожидаю от чтения этой главы великой для себя пользы.

Глубоко тронут Вашими сочувственными словами о моих статьях, писанных с исключительною любовью к произведениям Вашего покойного мужа. Я изучаю их целыми годами и постоянно вновь и вновь возвращаюсь к ним. Так и теперь я занят изучением "Бесов" и пишу об этом романе, загадочном и великом, со всем напряжением моих умственных сил. Если-бы это могло представить для Вас интерес, я был бы рад познакомить Вас с теми или другими частями моей работы еще до появления их в печати и выслушать Ваши замечания. С другой стороны, если бы я мог в каком нибудь отношении быть Вам полезным

⁵ ОР РГБ. Ф. 93.П.2.48. Л. 1–2; черновой автограф письма: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. I. № 187. Л. 1–1 об. Часть этого письма была опубликована: [Котельников, 2006: 69–70], полностью: [Захаров, 2010: 690–691; 2013: 336].

⁶ Имеется в виду издание: 1) Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. [2], II, 392, [2] с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004358709?page=1&rotate=0&theme=white (01.08.2024); 2) Музей памяти Ф. М. Достоевского в Императорском российском историческом музее имени императора Александра III в Москве. 1846–1903 гг. / сост. А. Достоевская. СПб., 1906 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008830651?page=2&rotate=0&theme=white (01.08.2024) (то же издание, что и предыдущее, но на веленовой бумаге и с пятью приложениями).

⁷ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. I. № 476–6. Л. 1–2.

в Ваших собственных трудах по устройству Музея, печатанию каталога и т. п., то я счел бы это для себя за великую честь.

*С истинным уважением
А. Волынский.*

*Декабря 14, 1902.
Загородный 23 кв. 45»⁸.*

31 мая 1903 г. она сообщала, что едет 4–5 июня и «вышлет отрывки "Бесов" племяннику мужа Андрею Андреевичу», и просила «ничего из главы не выписывать», так как она обещала «детям никому не давать права списывать из ненапечатанной главы». Достоевская поясняла, что отказывала всем просящим и теперь не хочет ссориться с ними: «Если упомянете в печати, что ознакомились с ненапечатанной главой, не пишите, когда»⁹. И около того же времени предупреждала племянника мужа А. А. Достоевского:

*«Глубокоуважаемый
Андрей Андреевич!*

Позвольте мне напомнить Вам о Вашем обещании приехать посмотреть вместе с нами Тортояду. Мы взяли ложу на понедельник, 19 Мая, идет оперетка "Птички певчие" с Вяльцевой. Милости просим в ложу, прилагаю купон бельэтажа № 4. Не откажитесь прислать открытку, чтобы мы знали что письмо до Вас дошло.

Теперь перехожу к одной моей усердной просьбе которая должна остаться неизвестной другим. Вот в чем дело: Вы слышали, вероятно, что существует отрывок из "Бесов", который по некоторым обстоятельствам не может быть напечатан. По поводу этого отрывка было так много у нас разговоров и споров, что мы (Федя<, > Лиля и я) решили лучше этот отрывок никому не показывать. Но тут вышла такая оказия: Волынский пишет статью о "Бесах" и убедительно просит дать ему возможность ознакомиться с отрывком. Т. к. у меня лично нет разумных оснований к отказу, то я обещала Волынскому дать ему возможность прочесть его. Но как это устроить? Так как я нахожусь под контролем Л<юбови> Ф<едоровны>, то пригласить его к себе — немыслимо. Не назначать же мне ему рандеву у Донона для этого чтения? Вот я и решила прибегнуть к Вашему покровительству и прошу Вам это мне разрешить. Я думала бы поступить так: я пришлю к Вам корректуры отрывка посылкою с доставкой Вам на дом. Затем напишу Волынскому из Москвы, в июне что корректуры находятся у Вас и чтоб он побывал у Вас где и когда Вы ему назначите. Всего-бы удобнее в Географическом Обществе. Когда он явится, Вы дадите ему прочесть (займет час времени), но попросите его (это я поставлю ему условием в моем письме к нему) чтобы он ничего из отрывка не выписывал. (Но ради Бога не

⁸ ОР РГБ. Ф. 93. П. 2. 48. Л. 3–4. Опубликовано: [Захаров, 2010: 691; 2013: 336–337].

⁹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 476-б. Л. 3–4 об.

соглашайтесь дать ему корректуры эти на дом. Он их спишет, пойдут копии да перекопии, и ктонибудь возьмет да напечатает и тогда Федя и Лиля живут меня со свету. Я это серьезно говорю и прошу не выпускать ни на час из рук этих корректур. Была-бы очень Вам признательна, еслиб Вы ему назначили такое время, когда Вы могли бы присутствовать во время его чтения и таким образом могли-бы убедиться, что он ничего не выписал.

Если Вы сочтете мою просьбу неудобною для себя, то скажите в понедельник, в ответ на мой вопрос: поедем ли вместе за границу — не поеду. А если соглашаетесь обязать меня, то ответьте — поеду, непременно. Подумаешь, сколько хитростей приходится выдумывать человеку чтоб избегнуть столкновений! Что поделаешь»¹⁰.

Волынский благодарил Достоевскую 1 июня 1903 г.:

«Глубокоуважаемая Анна Григорьевна!

Я в высшей степени тронут Вашей готовностью прислать в Петербург корректуру ненапечатанной главы из "Бесов". Само собою разумеется, что я свято исполню Ваши требования: не цитировать слов Ф. М. Достоевского и не упоминать ни в печати, ни на словах о времени моего ознакомления с этим литературным документом. Я имею в виду проверить для себя одну гипотезу относительно Ставрогина и воспользоваться настоящим счастливым случаем для оттенения некоторых моих мыслей в уже готовой работе. Одолжение, которое Вы мне оказываете, и доверие, которое Вы мне этим выражаете, не укладывается у меня ни в какое общепринятое выражение благодарности: это — светлый блик в моей трудовой жизни.

Позвольте, Анна Григорьевна, просить Вас принять от меня экземпляр моей книги "Царство Карамазовых". Кажется, полностью эти статьи Вам не известны, потому что в "Спб. Ведомостях" были напечатаны не все главы этой работы: не были напечатаны "Детвора" и "Богофилы".

В заключение позволю себе выразить мечту, что корректура придет в Петербург хоть несколько раньше назначенного Вами срока. Я не уеду, не дождав-шись ее, но, правду сказать, мне очень надо было бы уехать раньше 15 июня»¹¹.

Анна Григорьевна исполнила свое обещание, и 22 июня 1903 г. А. А. Достоевский писал:

«Милостивый Государь Аким Львович. Я получил от Анны Григорьевны ненапечатанную главу "Бесов". Не откажите сообщить, когда Вас можно ждать к себе для прочтения этой главы: завтра в Понедельник 23 июня в 8 ч<асов> вечера или в Среду 25 июня в 2 ч<аса> дня. Мой адрес: В<асильевский> О<стров> 8-я Линия, д. 39, кв. 3»¹².

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 93.П.3.48. Л. 8–9. Опубликовано: [Захаров, 2010: 692–693; 2013: 338].

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30035. Л. 1–2. Опубл.: [Буданова: 463].

¹² РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 476-а. Л. 1.

Однако 24 июня Волынский известил, что встречу придется отложить до конца июля или начала августа в связи с его отъездом¹³. Тем не менее встреча и чтение состоялись.

В конце 1903 г. он, видимо, передал Анне Григорьевне текст еще не вышедшей тогда «Книги великого гнева». Она, благодаря его за книгу, писала 28 декабря 1903 г.:

«Ваши статьи о "Бесах" я прочла с захватывающим интересом: Вы так глубоко и тонко поняли и объяснили Ставрогина, — этого загадочного героя романа, — и как мелки и легковесны показались мне наряду с "Книгой великого гнева" многие статьи наших критиков, напр., хотя бы г. Михайловского с его определением "жесточкого таланта". Мне было чрезвычайно дорого прочесть, что Вы оценили женские типы Достоевского (Даша, Лизавета Николаевна); ведь составилось мнение, что "Достоевский не умеет рисовать женские характеры", — и как это мнение несправедливо! Позвольте пожелать Вашей книге успеха, который она так заслуживает. Искренне Вас уважающая А. Достоевская»¹⁴.

И уже 31 декабря 1903 г. Волынский писал ей и о своей книге, и о прочитанной главе:

*«Глубокоуважаемая
Анна Григорьевна!*

Ваши слова о "Книге великого гнева" чрезвычайно дороги мне — особенно то, что относится к моим статьям о Ставрогине. Я боялся, что Вы найдете мои суждения неверными. Не могу не принести Вам моей глубокой благодарности за то, что Вы дали мне возможность прочесть ненапечатанную главу из "Бесы". Это нечто изумительное по содержанию и по своему идейному интересу. Мне хотелось тогда-же выразить Вам свою благодарность и обратить Ваше внимание на то, что в корректуре не хватает одной гранки. Было-бы просто несчастьем, если бы она не отыскалась.

От души желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

С глубоким уважением. А. Волынский

Спб. Пушкинская, Пале-Рояль, к. 157.

1903. Декабря 31»¹⁵.

Еще одно подтверждение знакомства Волынского с корректурой ненапечатанной главы содержится в письме А. Г. Достоевской к А. А. Достоевскому от 8 января 1908 г.:

¹³ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 476-а. Л. 2.

¹⁴ Там же. № 476-б. Л. 5–5 об.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 93. П. 2. 48. Л. 9–10. Опубликовано: [Захаров, 2010: 693–694; 2013: 339].

«Один литератор, прочитав в 8-м томе беседу Тихона с Ставрогиным, умоляет меня дать ему прочесть исповедь Ставрогина. Он столько раз мне об этом говорил, а я столько раз откладывала, что наконец приходится дать ему прочитать.»

Корректуры этой "Исповеди" находятся у Вас (той самой, которую Вы давали читать Волынскому). Если Вы соберетесь ко мне в любое воскресенье, то захватите корректуры с собою. Буду Вам очень благодарна и за хранение оригинала и за его возвращение»¹⁶.

Среди сравнительно взвешенных суждений о персонажах «Бесов» (особенно пронизательны суждения о Кириллове) неукротимым гневом пылают высказывания критика о несомненной и ненавистной для него вражде автора к «революционно-нигилистическому движению». Здесь есть несдержанность идейного и политического темперамента Волынского, захваченного в это время радикалистскими настроениями, есть преувеличения, есть ошибки и превратное толкование позиции писателя, что допускает он в атаках на Достоевского. Волынскому прежде всего

«видна злоба, <...> видна ярость нетерпимого писателя, и эта злоба и ярость проходят через весь роман, придавая ему характер ужасающего памфлета на передовую в то время струю русского общества» [Волынский, 2007: 360].

Однако все это не про Достоевского, а про самого Волынского. Критик пренебрегает тем фактом, что в этой «передовой струе» действовали идеологи, проектировавшие тотальное разрушение во имя «общего блага», и террористы, приносившие человеческие жертвы ради достижения таких целей. Его обличения, с такой ожесточенностью брошенные в Достоевского, могут быть объяснены лишь очередным припадком революционно-демократических сочувствий. Не считаясь с действительной авторской задачей в изображении Петра Верховенского, критик и здесь объявляет недопустимым суд писателя над «молдой Россией», к которой Волынский вдруг проникся горячей симпатией.

Такая одержимость смещает бывшую до сих пор верно направленной ось критического взгляда, приводит Волынского к эффектному, но ложному заключению о причинах и источниках «злости» писателя — все ради еще более жестокого по нему удара. Подобных обвинений он никогда еще не обрушивал на Достоевского, и они заставляют предполагать, что в Волынском «Бесами» было больно задето что-то самое сокровенное.

Рассматривая образы Петра Верховенского и Ставрогина, критик утверждает, что

«при создании обеих этих фигур Достоевский находился под сильным влиянием символической поэзии Иоанна Богослова, с ее иудейскими громами

¹⁶ ОР РГБ. 93.П.3.52. Л. 1–1 об. Опубликовано: [Захаров, 2010: 695; 2013: 340].

и молниями ярости, брошенными в блудный, преступный и революционно-бушующий земной Вавилон. Это отзвук Апокалипсиса в анафемствующей душе Достоевского, которому вся молодая бунтующая Россия тоже вдруг представилась каким-то презренно-грешным Вавилоном, достойным самой жестокой гибели. Вот откуда течет та лава сладострастной ненависти, которая разлита по всему роману. Вот почему крупнейшие фигуры этого произведения — Ставрогин и Шатов — находятся на полшага от подлого доноса: тут кричит все неистовство Достоевского, тут весь этот гениальный человек в одной фанатически темной судороге, в которой, может быть, особенно ужасно то, что обновительные громы Апокалипсиса превратились здесь в эпилептический бред под удушающим византийским гипнозом» [Волынский, 2007: 364].

Мера ослепляющего негодования Волынского-критика превышает наличествующую в романе меру негодования Достоевского в отношении бесовского разгула русского нигилизма. Тут Волынскому изменила и нравственная объективность, и понимание литературного предмета: он не чувствует ни жанр, ни стиль Достоевского, и сам утрачивает выдержанность речи, точность определений. Неизбежно доходя до последних аргументов в оправдании своих нападок на Достоевского, Волынский и в писателе усматривает бесовское начало:

«...в нем самом шевелилось что-то сатанинское, и он дал этим сатанинским чувствам своим полную свободу по отношению к нигилизму» [Волынский, 2007: 405].

Издательство «Парфенон» в 1921 г. выпустило сборник «Достоевский и Пушкин» под редакцией Волынского, воздавшего в предисловии небывало пышную хвалу речи Достоевского на Пушкинском празднике, он назвал эту речь «событием величайшего значения», «бриллиантом настоящего риторства, достойным какого-нибудь Григория Богослова. Все полно титанической силы» [Волынский, 1921: 8]. Волынский тогда стоял уже на пороге последнего разрыва с Достоевским, и поэтому едва ли не иронией отдает эта поздняя панегирическая элоквенция, сравнение его «Речи» с «дифирамбом в древнем стиле». Серьезно прав был Волынский только в утверждении, что «на этой грани одна эпоха русской мысли окончательно отделилась от другой» [Волынский, 1921: 8]. И, может быть, стоит напомнить, что в 1893 г. эту «Речь» он выделил и убедительно высоко поставил в очередных «Литературных заметках» [Волынский, 1893].

Завершающее слово Волынского о Достоевском — не покаяние в своих былых заблуждениях, а продуманный литературно-критический итог, имеющий целью именно свести творчество писателя с высот классики, в лице Достоевского покончить с ушедшей культурной эпохой. Не щадивший и ранее многих русских писателей, Волынский и здесь не знает пощады: он полностью развенчивает Достоевского как художника.

По первому заявлению становится понятным, с какой позиции смотрит теперь Волынский на Достоевского, — это позиция его нового, с начала 1920-х гг., мировоззрения, основа которого — непоколебимый онтологический и антропологический монизм¹⁷.

Он не допускает разделенности мира в себе, всякий дуализм, то есть представление о двойственной структуре мира и человека отвергается монизмом, вследствие чего отрицается всякое дуалистическое начало в религии, познании и морали. Как непримиримый теперь противник такого представления и ревностный поборник монизма в его иудаистической трактовке Волынский не приемлет Достоевского, считая, что все его искусство «дуалистично, контрастно и схематично» [Волынский, 2007: 70].

В романах Достоевского ему видятся «какие-то большие персонифицированные идеи», которые «сражаются между собою, любят, ненавидят и друг друга истребляют»:

«Начнем с дуализма. Он представлен, обрисован и показан со всею выпуклостью совершенно элементарно — особенно на фигурах женских» [Волынский, 2007: 70–71].

К ним Волынский причисляет и группу мужских персонажей. На колеблющихся чашах весов чередуются черные и белые гири:

«Но как все это в целом упрощено и обнажено! Бог представлен началом чрезмерно требовательным, громоздким, почти страшным Молохом добра» [Волынский, 2007: 71].

Критик воспринимает как «надоедливо навязываемое» Достоевским «ощущение болезненности и греховности, неминуемости <...> какого-то диалектического провала, господствующего во всякой судьбе». По его мнению, Достоевским «с диким упрямством навязывается категорическое условие — познать добро через зло, падение и грех» [Волынский, 2007: 71].

Отныне Волынскому чуждо и «богофильство» Достоевского, «кричащее благим матом со всех его страниц», более впечатляющей он считает «чертоносную стихию» [Волынский, 2007: 71], преобладающую в его романах и имеющую «минутами неотразимое очарование».

Но Бог и черт представлены у Достоевского, по мнению Волынского, условно, как два бытийных полюса:

«Промежуточные же мотивы как бы отсутствуют. Иначе говоря, отсутствует вся действительная, подлинно реальная лестница причин и следствий, настоящая ткань жизни, проходящей и пробивающейся вперед через бесконечно

¹⁷ Волынский разъяснил это в предисловии к своей книге «Рембрандт» (см.: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 91. Л. 705–706).

малые величины, через космические дифференциалы, отсутствует повседневность, которую так полно описывает кисть Толстого...» [Волынский, 2007: 72].

Тут Волынский заимствует взгляд у подслеповатых критиков, которые еще при жизни писателя упрекали его в отсутствии реализма в изображении человека и действительности.

Волынский не ограничивается обвинением в «брутальном дуализме», он видит еще и «брутальный схематизм» фигур у Достоевского — таковы Свидригайлов и Ставрогин. Вместо живой художественности все становится схоластикой, и потому «этот гений решительно устарел» [Волынский, 2007: 73], он больше не актуален для нас. И не только устарел в творчестве, но и совершил огромную ошибку, проповедуя «богоносность» русского народа, который, уверяет Волынский, никогда не был глубоко религиозным и в будущем не пойдет путями православия, указанными Достоевским.

Однако с этим приговором прославленному писателю критик не теряет из виду историческое движение русской литературы: он надеется, но как-то очень неопределенно и неуверенно, что она «выльется когда-нибудь в какие-то новые формы и русла» [Волынский, 2007: 75] и сделается адекватной народу. Достоевского же он решительно устраняет из круга действующих литературных сил и отправляет в область легенды.

Список литературы

1. [Буданова Н. Ф.] Письма А. Л. Волынского к А. Г. Достоевской / публ., вступ. заметка и примеч. Н. Ф. Будановой // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Вып. 15. С. 462–464. (Сер.: Достоевский. Материалы и исследования.)
2. Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. 1893. № 2. С. 116–146.
3. Волынский А. Л. [Предисловие] // Достоевский и Пушкин. СПб.: Парфенон, 1921. С. 5–8.
4. Волынский А. Л. Достоевский / сост., подгот. текста, вступ. ст. В. А. Котельникова; коммент. В. А. Котельникова, Л. Н. Мурзенковой. СПб.: Академический проект: ДНК, 2007. 464 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 464 с.
6. Захаров В. Н. «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. Т. 9: Приложение: Бесы: роман: опыт реконструкции журнальной редакции: текстологическое исследование, комментарии. С. 673–706.
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Котельников В. А. Красота истощания. О кенотической антропологии Достоевского // Записки Русской академической группы в США. New York: Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U.S.A., 1997. Т. 28. С. 183–196.
9. Котельников В. А. Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. 2006. № 1. С. 20–75. EDN: НТПРВJ
10. Якубович И. Д. Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Вып. 15. С. 67–89. (Сер.: Достоевский. Материалы и исследования.)

References

1. Budanova N. F. Letters of A. L. Volynsky to A. G. Dostoevskaya. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, issue 15, pp. 462–464. (Ser.: Dostoevsky. Materials and Researches.) (In Russ.)
2. Volynskiy A. Literary Notes. In: *Severnyy vestnik*, 1893, no. 2, pp. 116–146. (In Russ.)
3. Volynskiy A. L. Preface. In: *Dostoevskiy i Pushkin* [Dostoevsky and Pushkin]. St. Petersburg, Parfenon Publ., 1921, pp. 5–8. (In Russ.)
4. Volynskiy A. L. *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt: DNK Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27. 464 p. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. “Demons”: Experience of the Reconstruction of the Journal Edition. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2010, vol. 9, pp. 673–706. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author’s Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik 2013. 456 p. (In Russ.)
8. Kotelnikov V. A. The Beauty of Exhaustion: On Dostoevsky’s Kenotic Anthropology. In: *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SShA* [Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A.]. New York, Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. Publ., 1997, vol. 28, pp. 183–196. (In Russ.)
9. Kotelnikov V. A. Militant Idealist Akim Volynsky. In: *Russkaya literatura*, 2006, no. 1, pp. 20–75. EDN: HTPRWJ (In Russ.)
10. Yakubovich I. D. Dostoevsky in the Religious-Philosophical and Aesthetic Views of A. Volynsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, issue 15, pp. 67–89. (Ser.: Dostoevsky. Materials and Researches.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Котельников Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>; e-mail: vladilogos@mail.ru.

Vladimir A. Kotelnikov, PhD (Philology), Professor, Chief Researcher of the Department of the Modern Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>; e-mail: vladilogos@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2024

Принята к публикации / Accepted 21.10.2024

Дата публикации / Date of publication 06.12.2024